

УДК 811.161`367 + 821.1611.09
ББК Ш141.12-22 + ШЗ(2)6-8

*Н. А. Яковлева
N. Yakovleva
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU*

**РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»
THE RHYTHMIC-SYNTACTIC FEATURES
IN THE NOVEL BY SASHA SOKOLOV «SCHOOL FOR FOOLS»**

Аннотация: Творчество Саши Соколова вызвало большой интерес литературоведов, который обусловлен своеобразием языковой игры, а также оригинальной поэтикой. В этой статье мы намереваемся исследовать категорию прозаического ритма в романе Саши Соколова на синтаксическом уровне, обращая внимание на прием потока сознания, технику «плетения словес» и необычный синтаксис «витиеватого слога».

Ключевые слова: Саша Соколов; ритмизация; синтаксические особенности; поток сознания; плетение словес.

Abstract: Sasha Sokolov's creativity aroused great interest in literature, which is caused by a kind of language and works, and its original poetics. In this article we set out to explore the category of prose rhythm in the novel by Sasha Sokolov on the syntactic level paying attention to the reception of the stream of consciousness technique as «words weaving» and unusual syntax as «woven syllable».

Keywords: Sasha Sokolov; rhythmization; syntactic features; stream of consciousness; words weaving.

Творчество Саши Соколова вызвало большой интерес литературоведов, который обусловлен и своеобразным языком произведений, и оригинальной поэтикой.

В настоящее время существует несколько аспектов изучения творчества С. Соколова.

Его романы изучаются в контексте литературных направлений, о чем писал Н. Л. Лейдерман [1], особенности поэтики произведений Саши Соколова рассматривалась в трудах М. Н. Липовецкого [2], И. С. Скоропановой [5], М. Эпштейна [7], взаимодействие стихового и прозаического начал в творчестве С. Соколова изучал Ю. Б. Орлицкий [4], проводя сравнительную характеристику между метрической организацией прозы С. Соколова и таких писателей, как С. Довлатов, С. Юрьенен, В. Аксенов.

В данной статье мы поставили цель исследовать категорию ритма прозы в романе Саши Соколова на синтаксическом уровне. Воспринимаясь скорее на инту-

итивном уровне, ритм раскрывает специфический, уникальный рисунок произведения, позволяя в большей мере ощутить его целостность во взаимодействии структурного, композиционного, семантического и других пластов.

Под ритмической организацией понимают упорядоченное повторение отдельных элементов текста через определенные промежутки. Подобное повторение возможно на разных уровнях текста. В романе Саши Соколова «Школа для дураков» ключевым для раскрытия идейной составляющей произведения становится прием потока сознания, проявляющийся и в необычном синтаксисе.

При технике «потока сознания» действие переносится в субъективное пространство души, нарушая при этом привычный ритм чтения, разрушая традиционную повествовательную структуру текста. Здесь не просто смещается ритмическая составляющая, но и размываются пространственно-временные рамки – прошлое, настоящее, будущее могут пересекаться, переходить друг в друга. Подобное достигается благодаря особой логике повествования – ассоциативной, при которой происходит суггестивное изображение объекта речи, во время которого читатель воспринимает текст на психологическом, бессознательном уровне. У С. Соколова: «Это пятая зона, стоимость билета тридцать пять копеек, поезд идет час двадцать, северная ветка, ветка акации или, скажем, сирени цветет белыми цветами, пахнет креозотом, пылью тамбура, куревом, маячит вдоль полосы отчуждения, вечером на цыпочках возвращается в сад и вслушивается в движение электрических поездов...» [6].

Метод потока сознания реализуется в романе с помощью стиля плетения словес, который образует определенную ритмику текста. Здесь следует отметить технику «витиеватого слога».

Стиль «плетение словес» у С. Соколова реализуется с помощью идеи цикличности: употребление рядов однородных членов предложения, являющихся с точки зрения лексики синонимами и полиномами в тексте, например: «...девочка станет взрослой и начнет жить взрослой жизнью: выйдет замуж, будет читать серьезные книги, спешить и опаздывать на работу, покупать мебель, часами говорить по телефону, стирать чулки, готовить есть себе и другим, ходить в гости и пьянеть от вина, завидовать соседям и птицам, следить за метеосводками...» [6].

Важным изобразительным средством, характерным для стиля «плетение словес», становится развернутая метафора: «Сказка. На дворе сумерки, снег цвета голубого пепла или какого-нибудь крыла, какого-нибудь голубя». «Детство пройдет, как оранжевый дребезжащий трамвай через мост, разбрасывая холодные брызги огня, которых почти не существует» [6].

Одним из традиционных приемов стиля «плетение словес» являются ряды перифраз. Часто прием нанизывания метафорических перифраз соединяется с приемом синтаксического параллелизма частей и таким образом эмоциональная фраза получает еще большую энергичность за счет внутренней периодичности: «Радость моя, если умру от невзгод, сумасшествия и печали, если до срока, определенного мне судьбой, не нагляжусь на тебя, если не нарадуюсь ветхим мельницам, живущим на изумрудных полынных холмах, если не напьюсь про-

зрачной воды из вечных рук твоих, если не успею пройти до конца, если не расскажу всего, что хотел рассказать о тебе, о себе, если однажды умру не простясь – прости» [6].

В тексте романа встречаются синтаксические единицы, оформленные без словораздела, что связано с поэтикой древних рукописных текстов, что визуально возвращает восприятие к ритмообразующему медитативному началу: «я докажу всем на свете, что в о в р е м е н и н и ч т о н а х о д и т с я в п р о ш л о м и б у д у щ е м и н и ч е г о н е и м е е т о т н а с т о я щ е г о , и в п р и р о д е с б л и ж а е т с н е в о з м о ж н ы м , о т ч е г о , п о с к а з а н н о м у , н е и м е е т с у щ е с т в о в а н и я . . . » [6].

Помимо идейно-структурных особенностей, «плетение словес» подразумевает под собой особый словесный орнамент, состоящий из сочетания однокоренных и созвучных слов, синонимии и ритмики речи, сложного синтаксиса и нагнетания однородных сравнений и эпитетов, он тесно связан с рукописным орнаментом, получившим широкое распространение в древнерусской литературе».

То обстоятельство, что исследователи творчества С. Соколова (Дж. Фридман, М. Н. Эпштейн) видят сходство манеры письма Саши Соколова со стилем «плетения словес», характерного для древнерусской литературы, говорит о сознательном отношении автора не только к содержанию романа, но и к его ритмической организации текста.

Тексты, тяготеющие к «плетению словес», представляются крайне трудными и усложненными для восприятия: повторение синонимичных рядов, схожих интонационно и ритмически, приводит к «потoku мыслей», претендующих на непосредственное воспроизведение ментальной жизни сознания. В произведениях Саши Соколова практически невозможно проследить сюжетную линию, так как она неотделима от стиля писателя. Это единство создает нелинейную концепцию времени; действия, как такового, нет, все происходящее – «поток сознания».

Периодические «спотыкания» читателя при восприятии нарушения линейного течения времени, позволяет говорить о ритме именно на синтаксическом уровне.

Уникальность стиля Саши Соколова создает своеобразный словесный орнамент, который стал индивидуальной особенностью творчества постмодерниста.

Библиографический список

1. Лейдерман, Н. Л. Русский постмодернизм. Поэтика прозы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 1996. – 154 с.
2. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики : монография / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
3. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
4. Орлицкий, Ю. Б. Стиховое начало в прозе «третьей волны» / Ю. Б. Орлицкий // Литература «третьей волны» : сб. науч. ст. – Самара, 1997. – С. 45–46.
5. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие. – 3-е изд., изд., и доп. – М. : Флинта : Наука, 1999. – 608 с.
6. Соколов, С. Школа для дураков. – СПб. : АЗБУКА, 2011. – 599 с.

7. Эпштейн, М. Н. Постмодернизм в русской литературе : учеб. пособие / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк, 2005. – 495 с.